

Об итогах Всероссийского проекта «Создание образовательной и медиа инфраструктуры для сохранения языков народов России. ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК»: опыт полутора лет

Алексей Козлов

*младший научный сотрудник сектора типологии
Института языкознания РАН,
доцент Школы лингвистики факультета
гуманитарных наук НИУ Высшая школа экономики,
координатор по научной деятельности проекта
«Всяк сущий в ней язык»*

Предлагаемый читателю сборник является одним из результатов Всероссийского проекта «Создание образовательной и медиа инфраструктуры для сохранения языков народов России. ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК», реализованного Ассамблеей народов России и поддержанного Фондом президентских грантов. В течение полутора лет лингвисты, общественники, языковые активисты, работники образования и культуры проводили мероприятия по поддержке мокшанского, казымского хантыйского, карельского и нанайского языков в регионах распространения языков – Республике Мордовия, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Хабаровском крае, Республике Карелия.

В этой статье представлены некоторые размышления по итогам проекта, которые мы почерпнули из опыта общения с носителями языков.

Одной из важнейших задач жизни народов является **необходимость** сохранения языков. Для языковых активистов она очевидна, но эту необходимость приходится все время отстаивать в дискуссиях внутри сообщества и вне его. В этой статье суммируются несколько важных, на наш взгляд, аргументов в пользу того, чтобы предпринимать сознательные усилия по сохранению языков.

Другой вопрос, который часто встаёт в сообществах носителей, таков: достаточно ли делает для сохранения языков государство? Наша точка зрения: в современных условиях в деле ревитализации языков ведущей должна быть общественная инициатива, а государство может поддерживать идеи, имеющиеся в гражданском обществе.

Наконец, финальный раздел этой статьи посвящен распространению малых языков в сети Интернет.

Зачем?

Конечно, осмысленность языковой ревитализации не является чем-то само собой разумеющимся, очевидным. Всегда были и будут люди, не видящие в ревитализации смысла.

Объяснение этому можно дать такое: языковые практики тесно погружены в хитросплетение других культурных и социальных практик. Поэтому у субъектов, играющих в этих других практиках разные роли, неизбежно будет разное отношение к практикам говорения на малых языках, а тем более к трате разного рода ресурсов на их ревитализацию.

Вообще любое крупное сообщество составляют разные люди с разным опытом, разными ценностями, разными приоритетами. Распространенность критического отношения к необходимости сохранения языка – это неизбежная данность, которую практикам языковой ревитализации нужно принять. С одной стороны, работа с отношением к этому в сообществе носителей языка (или в сообществе, часть которого составляют носители языка) составляет одну из важных задач языкового активиста. С другой стороны, по крайней мере в России в 2022 году пока невозможно достигнуть стопроцентной поддержки необходимости ревитализации – это факт не должен как-то особенно демотивировать ревитализатора.

Кратко суммируем основные аргументы, наиболее часто приводимые против необходимости ревитализации.

- **Малые языки не обладают никакой ценностью** (вариант: малые языки обладают ценностью только для лингвистов).

Конечно, с ценностными убеждениями такого рода сложно концептуально спорить. Ответ на такую позицию может иметь место только на ценностном же уровне – например, в виде научно-популярной лекции (или поста в социальной сети, или видеоролика и т. д.), посвященной какому-то аспекту структуры языка. В такой лекции, кроме фактов об устройстве того или иного раздела языка, исследователь должен стараться передать свое ценностное отношение к нему – как это здорово, как стройно, как красиво, как необычно.

- **Сохранение малых языков, может быть, и обладает ценностью** (по крайней мере субъективной, по крайней мере для части носителей), **но эта ценность несопоставима с другими более реальными проблемами**, которые стоят перед сообществом / регионом / страной; таким образом, сохранение малых языков отнимает ресурсы, которые могли бы пойти на какие-то «более реальные» нужды.

Здесь нужно заметить, что «иерархия реальности» нужд и проблем не есть что-то объективное, она также сильно зависит от взглядов, которых придерживается человек. По сути, тот же вопрос можно поставить о культуре вообще, гумани-

---

тарных науках вообще, некоммерческом секторе вообще. Если в споре прийти к тому, что культура (в том числе и финансирование культуры государством) имеет собственную ценность, то из этой позиции легче аргументировать необходимость поддержки культуры и языков малых народов.

• Сохранение малых языков обладает ценностью, **но существующие методы ревитализации не работают** – это «профанация», показуха, а значит, опять-таки пустая трата ресурсов.

Здесь можно ответить следующее. С одной стороны, действительно современные методы ревитализации языков, к сожалению, не позволяют даже в ходе сколь угодно планомерной работы взять какое угодно сообщество, претерпевающее языковой сдвиг, и обратить этот языковой сдвиг вспять. Да, мы не можем вернуть языковое сообщество казымских хантов в 1950-е годы, сообщество мордвы-мокша – в 1980-е годы, когда языки жили полной жизнью. Значит ли это, что наши усилия не имеют смысла? Наверное, и не следует ставить перед собой такие цели. Ведь на языковую ситуацию 1950-х и 1980-х годов влияли другие социокультурные факторы, их уже не вернуть.

Но, во-первых, мы можем приостановить или замедлить языковой сдвиг (то есть задержать теперешний уровень владения родным языком, не допуская его ухудшения). Не нужно полагать, что возврат к ситуации до языкового сдвига – это единственная достойная цель ревитализации. Если в результате наших усилий у носителей будет хотя бы немногим больше пространства для реализации своих языковых компетенций, чем было бы без наших усилий, если хотя бы немного больше детей станут носителями языка, – то наши усилия можно считать оправданными.

Во-вторых, работа ревитализатора всегда является в том числе и работой на перспективу. Неверно считать, что будущее, в том числе будущее языков, можно предсказать, просто механически продолжая тренды настоящего и недавнего прошлого. Возможно, в будущем могут открыться новые возможности повышения витальности родных языков. Не такой ли возможностью стало повсеместное распространение сети Интернет, изменение структуры медиапотребления и создание в ней пользовательского контента? Кто знает, как по-другому коренным образом может измениться информационная среда хотя бы в течение следующих десятилетий? Будет жаль, если новые возможности откроются, но язык ко времени их появления окажется уже не в том состоянии, чтобы ими воспользоваться.

Позволю себе отступление. Думая о методах и способах ревитализации для каждого конкретного языка (плотнее всего в рамках данного проекта я работал с мокшанским и казымским хантыйским) невольно хочется обратиться упрёк методи-

стам, учителям, работникам образовательных и культурных учреждений 80-х и 90-х. Как они допустили, что язык находится в таком состоянии? почему уже тогда не создали таких-то и таких ресурсов? почему, когда носителей было ещё так много, не велась эффективная пропаганда передачи языка детям? Эти упрёки, конечно, большей частью совершенно безосновательны. Те, кто занимался сохранением и развитием родных языков в 80-е и 90-е, не знали того, что сейчас знаем мы.

Во-первых, был ниже уровень распространения социолингвистических и лингвистико-антропологических знаний, во-вторых, было значительно меньше опыта языковых сдвигов (в сообществах типа мокшанского и хантыйского языковые сдвиги только начинались), в-третьих, было просто неизвестно, каким будет будущее. Но задумаемся: ведь точно такие же упрёки языковые активисты из 2040-х и 2050-х (возможно, и с большим правом) могут обратить и нам. Мы, точно так же, как наши предшественники из 80-х и 90-х, не знаем, каким будет будущее. Имеет, однако, смысл делать всё, что в наших силах, чтобы, если в будущем появится, например, какая-нибудь на порядок более эффективная методика, для этой методики была бы уже реальная база.

- **Сохранение родных языков не нужно самим носителям** – ведь, в конце концов, это сами носители языка выбирают говорить или не говорить на языке своим детям. Этот аргумент звучит особенно впечатляюще в том случае, когда активисты-ревитализаторы или учёные не принадлежат по рождению к тому или иному языковому сообществу, как, например, автор этих строк по рождению не является ни мордвином, ни казымским хантом.

Здесь нужно подумать: верно ли, что носители не передавали бы родной язык детям и не говорили бы на нём в том гипотетическом случае, если на их выбор не влияли бы никакие внешние причины? Кто вообще без внешних причин стал бы отказываться от своего родного языка?

Выбор в пользу глобального языка – всегда следствие исторически сложившегося структурного неравенства. Глобальный язык используется во многих социально престижных сферах, а миноритарный не используется; так как людям свойственно стремиться к социальному престижу, они используют глобальный язык все в большем количестве сфер. Не стоит, однако, считать, что это неумолимый глобальный тренд, из которого не может быть исключений. Языковые ревитализаторы, конечно, не могут полностью уничтожить структурное неравенство, но они могут создавать ниши, в которых миноритарные языки могут вопреки всему сохраняться – или хотя бы задерживаться.

Вместе с тем действительно в условиях жесткой ограниченности ресурсов носители языка могут выбирать отказ от родного языка. К этому надо быть готовым,

---

это нужно принимать. Даже точечные случаи переубеждения отдельных носителей можно считать положительным результатом.

Внимание государства – хорошо, но недостаточно

В 2022 году приходится признать: государственная поддержка для выживания миноритарных языках есть, она нужна, но одной ее недостаточно, в каком бы объеме она ни предоставлялась. В условиях, когда носители языка в сообществе находятся в меньшинстве, и не все члены сообщества разделяют ценность сохранения миноритарного языка, основной фокус перемещается на деятельность языковых активистов.

Языковые активисты – это люди, которые в ходе сознательно осуществляемой деятельности сопротивляются социальной и культурной инерции языкового сдвига. Они используют родной язык немного больше, чем принято. Разговаривают с детьми, хотя в их поколении не принято разговаривать с детьми; используют язык в публичных местах (на улице, в магазине, на почте), хотя он там обычно не используются; вставляют в речь отдельные слова и выражения на родном языке даже тогда, когда все их окружение его забыло; участвуют в более комплексных инициативах по сохранению языка.

Каждое из сообществ, в которых происходит языковой сдвиг, уникально. Поэтому не может быть общего рецепта по сохранению языка при языковом сдвиге: если в самих процессах языкового сдвига можно найти много сходства, то решения по языковой ревитализации будут зависеть от уровня образованности членов сообщества, от его социальной структуры, от специфики медиапотребления в нем, от того, как его члены предпочитают проводить досуг и др. Словом, в уже сложившемся поле культурной жизни сообщества ревитализация должна найти нишу, должна к чему-то прицепиться. Это происходит не сразу, часто это место разыскивается методом проб и ошибок. И уже работающую инициативу такого рода может поддерживать государство.

Очень важно преподавание языка в школе, но само по себе оно сравнительно малоэффективно. Если большинство в классе или даже все дети не говорят на малом языке, то преподавание «родного» языка будет по сути похоже на преподавание иностранного. Преподавание же иностранного языка в условиях российской средней школы с разными языковыми способностями учащихся, с большими классами, со сравнительно небольшим количеством часов вовсе не всегда увенчивается знанием языка на выходе. Пусть читатель прикинет: много ли его знакомых говорит или хотя бы читает по-английски после курса английского языка в средней школе? Без поддержки мощной англоязычной массовой культуры, песен, сериа-

лов и т. д. это вряд ли возможно. А ведь на малых языках народов России нет такой мощной и хорошо «продающейся» массовой культуры. Более того, сами методики преподавания малых языков далеко не так совершенны, как методики преподавания английского.

Значит ли это, что если большинство или даже все дети в классе не говорят на языке, то преподавание родного языка в школе бессмысленно? Вовсе нет. Уроки языка в школе, во-первых, имеют символическую функцию: язык, который препода-ется в школе, ощущается членами сообщества как более важная часть публичного поля, а во-вторых, хороший учитель может привить ценностное отношение к языку в том числе и тем учащимся, которые им не владеют.

Однако для того, чтобы привить школьникам чувство престижа, чувство ценности языка, одних уроков будет опять же недостаточно. Чтобы преподавание в школе не ощущалось школьниками как пустые слова, необходимо, чтобы малый язык присутствовал и за пределами школы, в жизни уважаемых школьниками, интересных им взрослых. В противном случае признание ценности малого языка превратится в ролевою игру, которую можно с облегчением закончить по выпуске из школы.

Государство может поддерживать проекты языковых активистов, например, в рамках проектов некоммерческого сектора, но первое слово, первое движение все равно должно быть за активистами, членами сообщества. Они сами должны понять, что может работать в данном сообществе: разговорный клуб; киношкола, участники которой снимают короткометражные фильмы на языке; или, может, летний лагерь с этноязыковым компонентом? В сообществах, в которых процессы языкового сдвига зашли довольно далеко, нельзя априори ожидать от подобных проектов 100-процентной эффективности. При этом что-то из перечисленного может неожиданно заработать, благодаря творческой энергии активистов.

Ключевым моментом является следующий: на всех этапах разработки тактики и стратегии языковой ревитализации нужна высокая степень адаптивности, гибкости, способности к диалогу на равных. Именно поэтому первоначальный импульс, особенно в сообществах, изучаемых в данным проекте, в которых носители языка являются меньшинством, не может исходить от государства. Он должен быть рожден «на земле», в сообществе людей, не равнодушных к своему обессиленному родному языку.

Языки в интернете

Все больше и больше времени люди самых разных возрастов и социальных статусов проводят в сети Интернет. На наших глазах меняется сама структура

информационного и медиапотребления. Это хорошо для дела ревитализации языка потому, что производство медиаконтента становится демократичнее: значимую долю в структуре медиапотребления интернет-пользователя занимает контент, созданный непрофессиональными пользователями, – фотографии, видео, тексты. По сравнению с эпохой, когда для создания медиаконтента был необходим определенный образовательный профессиональный ценз, это существенное изменение, безусловно, благоприятно.

Тем не менее для того, чтобы малые языки появлялись в Интернете, нужно все равно преодолевать определенную социальную и культурную инерцию. Без сознательных действий языковых активистов часто бывает так, что носители языков общаются в сети на языке большинства.

В нашем проекте мы использовали возможности Интернета и считаем важным сделанное нами для четырех исследуемых языков – создание в социальных сетях пабликов – публичных страниц с материалами на родном и на русском языках. В нашем случае паблики непременно должны быть двуязычные – для большинства целевой аудитории большое количество контента на малом языке будет тяжело.

Можно предложить следующие жанры постов, которые использованы в пабликах:

- научно-популярные факты о языке, они должны быть понятны самой широкой аудитории;
- короткие видео на языке;
- загадки на языке с переводом на русский язык и несколькими вариантами отгадки, загадки можно озвучивать в аудиоформате;
- мемы и комиксы с переводом на язык. Здесь нужно уточнить, что создание удачных мемов и комиксов – это особое искусство. Если в команде активистов никто не чувствует в себе сил на такое, можно договориться с кем-нибудь из сообществ, в которых публикуются мемы или комиксы, о том, чтобы брать их оттуда, переводить, и публиковать со ссылкой на оригинальное сообщество. Нет нужды говорить о том, что в современной культуре мемов иногда имеет место чрезвычайно хлесткий сарказм, который делает их очень популярными в одной части аудитории и неприемлемыми для другой, такого лучше избегать;
- выражения, пословицы, поговорки на языке. В нашем опыте оказываются более полезными не пословицы или поговорки, хотя они могут быть очень красочными и поэтичными, а устойчивые выражения, которые могут быть применимы в бытовом разговоре. Такие посты можно сопровождать картинками или GIF-изображениями, как связанными, так и не связанными с этнической тематикой.

Следует стремиться к повышению уровня интерактивности, нужно поощрять

подписчиков к тому, чтобы они отвечали на вопросы, а потом и сами оставляли комментарии на родном языке. В качестве дальнейшего шага пользователи могут начать писать посты на родном языке уже вне такого публика, на своей странице. Возможно, активисты могут для начала инсценировать диалог в комментариях, чтобы вовлечь в него носителей.

Другой формой взаимодействия может быть группа в каком-либо мессенджере, например, Viber или WhatsApp. В такой группе участники общаются на родном языке. Если публик рассчитан на широкую аудиторию, в том числе людей, не знающих язык и испытывающих к нему только общекультурный интерес, то такая группа скорее ориентирована на тех, кто уже способен общаться на языке. Модераторы группы должны разработать правила поведения -- например, нужно ли общаться исключительно на родном языке или в некоторых случаях можно переходить на русский, стремясь все же общаться на родном. Конечно, всегда будет нужна и содержательная модерация: общение в интернете не застраховано от конфликтов разного рода. Во избежание ссор, недобросовестной полемики и другого рода неоднозначных высказываний в группе такого рода необходима работа модератора.

Наконец, очень удачным в нашем опыте механизмом стало создание видео с субтитрами. У определенной части аудитории видеоконтент, в том числе связанный с чем-то родным, привычным, пользуется большей популярностью, чем текстовый контент. Субтитры на родном и на русском языке нужны для людей, не знающих язык в совершенстве. Такие видео очень важны и для документации языка – по сути, это уже расшифрованная запись живой устной речи.

В целом, конечно, решений по распространению языка в Интернете может быть столько же, сколько есть типов потребления Интернет-контента в самом сообществе.

С нашим опытом можно познакомиться здесь: vk.com/shajkem_jasang